

ГШЦЕРБОРЕЙ

ЕЖЕМЪСЯЧНИКЪ

СТИХОВЪ

и

КРИТИКИ

II

Н О Я Б Р Ъ

1912

С.-ПЕТЕРБУРГЪ

СОДЕРЖАНІЕ.

Стихи.

Вл. Бестужевъ	3
Александръ Блокъ	4
Вл. Бестужевъ	5
М. Зенкевичъ	9
Георгій Ивановъ	12
М. Кузминъ	16
Е. Кузьмина-Караваева	18
М. Лозинскій	21
Критика	25
Письма въ редакцію	29

1.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ.

...Оттуда ринутся лучи.

Ты думаешь—они оттуда ринутся?

Мнѣ кажется, что—нѣтъ:

Но въ часъ назначенный всѣ опрокинутся—

Всѣ зримые въ незримый свѣтъ —

Незримый свѣтъ, который въ зримомъ стелется,

Струится и молчитъ;

Онъ вдругъ заговоритъ,—и все измѣнится,

Все неизмѣнное въ истомѣ лѣтъ!

Ты понялъ ли, что все уже извѣстное

Лишь неизвѣстно намъ,—

Что мы идемъ въ странѣ уже прелестной,

Но горестной очамъ,

Что мы струимся въ самомъ сердцѣ міра,—

Но міръ еще не нашъ...

Что мы заждались въ самомъ буйствѣ пира

Завѣтныхъ чашъ!

1912. Февраль.

ВЛ. БЕСТУЖЕВУ.

ОТВѢТЪ.

Да, знаю я: пронзили ночь отвѣтка
Незримые лучи.
Но мѣры нѣтъ страданью человѣка,
Ослѣпшаго въ ночи!

Да, знаю я, что въ тайнѣ—миръ прекрасенъ,
(Я зналъ Тебя, Любовь!).
Но этотъ шаръ надъ льдомъ жестокъ и красенъ,
Какъ гнѣвъ, какъ месть, какъ кровь!

Ты вѣдаешь, что нѣкій свѣтъ струится,
Объемля все до дна,
Что ищетъ насъ, что въ свистѣ вѣтра длится,
Иная тишина...

Но страннику, кто снѣжной ночью полонъ,
Кто заглядѣлся въ тьму,
Приснится, что не въ вѣчный свѣтъ вошелъ
онъ,
А лучъ сошелъ къ нему.

Мартъ 1912 г.

АЛЕКСАНДРУ БЛОКУ.

ОТВѢТЪ.

1.

Таинственно люблю—и знаю сладость въ розахъ.
И женственность въ звѣздахъ.—
И есть восторгъ въ безудержныхъ стрекозахъ,
Кружащихся въ лучахъ;

И есть призывъ въ лѣсахъ, смолою пьяныхъ,
Напѣвъ—въ твоихъ стихахъ:
Все—какъ въ любви,—все въ золотыхъ туманахъ
И золотыхъ ручьяхъ!

Я осязаю мѣръ такъ явственно и властно,
Такъ чувственно—до дна,
Что—вотъ сгорю въ одной мечтѣ безстрастной—
Отъ счастья и вина...

Я все люблю съ такой покорной страстью,
Съ такой нѣмой тоской,
Что—вотъ умру въ одномъ порывѣ къ счастью,
Задуманномъ не мной!

2.

Да, все признать! и безразсудно вѣрить,
Что есть обѣтъ во всемъ.
Да, все принять—и не считать потери,
Теряя день за днемъ!

Да, все любить—и опьяненно думать,
Что ты погаснешь вдругъ,
И—замирать отъ блеска и отъ шума,
Разлигаго вокругъ!

Да, надо жить—и оскорбленно спорить,
Что ты завѣтнѣй всѣхъ,—
Себя забыть въ разливѣ злого моря,
Встрѣчая крикъ и смѣхъ;

Всѣ дни забыть—и изступленно плакать
Въ ночную темноту,—
И быть слезой испытаннаго мрака,
Сіяющей въ мечту!

3.

Но мы забыли чувственную прелесть,
 Завѣщанную намъ,
 И—что въ страстяхъ людскихъ иная цѣль есть,
 Неявная умамъ;

И—что въ крови горитъ иная нѣжность—
 Нѣжность, чѣмъ огни,—
 Что мы стремимъ навѣрное въ безбрежность
 Размѣренные дни.

Такъ мы живемъ—и буйно отрицаемъ,
 И буйно вѣримъ мы,—
 И всѣ съ горящимъ сердцемъ умираемъ,
 Томясь сознаньемъ тьмы:

Мы раздвоили внутреннюю цѣльность
 Навѣкъ—лучей и тьмы...
 Но есть во всемъ иная безраздѣльность,—
 И безраздѣльны мы!

4.

Да, все признать!.. любить съ тоской пристраст-
 ной,

Несправедливымъ быть!
 Пускай душа во всемъ со всѣмъ согласна,—
 Ей надо разлюбить,

Чтобы опять отдаться съ той же властью
И съ тою же тоской,
Чтобы предаться буйственному счастью—
Въ безбрежности самой!

Чтобы понять, что есть одно на свѣтѣ,
Что есть одна любовь;
Что мы дрожимъ въ замедленномъ разсвѣтѣ,
Удерживая кровь;

Что зрѣть хлѣбъ въ родимыхъ колыбеляхъ,
Завѣянныхъ въ снѣгахъ...
Ты не ослѣпъ—ты зарыдалъ въ метеляхъ,—
Ты встрѣтишь ночь въ звѣздахъ!

1912 г. Апрель.

1.

Надъ медвяною усладой
Травъ, цвѣтовъ и родниковъ,
Дышитъ пламенной прохладой
Синій воздухъ ледниковъ.

И—пріютъ семьи орлиной—
Гулко вдругъ загрохоталъ
Къ яркой пышности долины
Съ кручи рвущійся обвалъ.

И, поддерживая лавой
Льда и снѣга вѣчный грузъ,
Въ тучахъ блещетъ стражъ двуглавый
Трона горняго—Эльбрусъ.

2.

ПОСАЖЕННЫЙ НА КОЛЬ.

На кольяхъ, скорчась, мертвецы
Оцѣпенѣлые чернѣютъ...

Пушкинъ.

Средь нечистотъ голодная грызня
Собакъ паршивыхъ. Въ сутолкѣ базара
Подъ пыльной, душною чадрою дня
Надъ темной жилистою тушей—кара.

На ликѣ бронзовомъ налеты тлѣна
Какъ-бы легли. Два вылѣзшихъ бѣлка
Ворочались и, взбухнувъ, билась вена,
Какъ въ паутинѣ муха, у виска.

И при питьѣ на сточную кору,
Наросшую изъ сукровицы, кала,
Въ разрывъ кишекъ, въ кровавую дыру
Сочась, вдоль по колу вода стекала.

Два раза пѣлъ крикливый муэдзинъ,
И медленно, какъ голова ребенка,
Все разрывая, лѣзъ осклизлый клинъ,
И разрыхляла къ сердцу путь воронка.

И обернувшись къ окнамъ падишаха,
Еще шепча невнятные слова,
Все ожидала буйнаго размаха
И свиста ятагана—голова.

3.

ДЕНЬ ВЪ ПЕТЕРБУРГѢ.

Чадъ въ мозгу и въ легкихъ никотинъ,
И туманъ поползъ... О, какъ тяжелъ ты
Послѣ льдистыхъ, дождевыхъ крестинъ,
День визгливый подъ пленкой желтой.

Узкій выходъ бѣлому удушью—
Все сирены плачутъ, и гудки
Съ воемъ одѣвають взморье тушью,
И трясутъ дома ломовики.

И безстыднѣй скрытыя отъ взоровъ
Нечистоты дня въ подземный мракъ
Пожираетъ чавкающей боровъ
Сточныхъ очистительныхъ клоакъ.

И въ тревогѣ вновь душа томится,
Что себя предъ тьмой не обмануть:
Золота промытаго крупица
Не искупить всю дневную муть.

1.

ФИГЛЯРЪ.

Я храбрые марши играю,
Скачу на картонномъ конѣ—
И, если я умираю,
Всѣ звонко хлопаютъ мнѣ.

Мои представленья не плохи,
Понравятся, коль поглядишь!
Ученыя прыгаютъ блохи,
Танцуетъ умная мышь.

А то, если милые гости
Хотятъ, мы въ дальнемъ углу
Найдемъ заржавѣвшіе гвозди,
Особенную пилу.

Пріятно тѣла восковыя
Гвоздемъ раскаленнымъ колоть!
Трепещутъ они, какъ живыя,
Нѣжны, какъ живая плоть!

Я сердце когда то измучилъ
И стало негоднымъ оно,
А пытки для глупыхъ чучель
Выдумывать—такъ смѣшно...

Я дѣтскія пѣсни играю,
Въ карманахъ ношу леденцы—
И, если я умираю,
Звенятъ мои бубенцы!

2.

БРОДЯЧІЕ АКТЕРЫ.

Снова солнечное пламя
Льется знойнымъ янтаремъ.
Нагруженные узлами,
Снова мы подошвы тремъ.

Придорожная таверна
Ужъ далеко за спиной;
Небо медленно, но вѣрно
Увеличиваетъ зной.

Ахъ, безсиленъ каждый мускуль,
Въ горлѣ—словно острія...
Потемнѣла, какъ зулуска,
Берта, спутница моя.

Но теперь уже недолго
Жариться въ огнѣ небесъ,—
Встрѣчный вѣтеръ пахнетъ елкой,
Недалеко виденъ лѣсъ.

Вотъ—пришли! Скорѣ падай,
Узелъ мой, съ усталыхъ плечъ!
Осѣненному прохладой
Сладко путнику прилечь...

Распаковываетъ Берта
Тюкъ съ ѣдою и виномъ...
Край лиловаго конверта
Я цѣлую за стволомъ.

3.

26 Августа 1912 г.

Празднуемъ въ этотъ день славную мы годовщину.
Вновь Бородинскихъ знаменъ шелестъ волнуеть
сердца.
Видитъ растроганный взоръ воинствъ грозныя
массы,
Слышитъ ухо пальбу, звонкіе клики побѣдъ.

Но сіянемъ инымъ я взволнованъ сегодня,—
Не побѣдами лишь свѣтелъ двѣнадцатый годъ:
Юный Пушкинъ въ тѣ дни, міру еще невѣдомъ,
Первыя ласки музъ въ Царскомъ Селѣ узнавалъ.

Вбритъ сердце мое въ грядущую славу отчизны!
Знаю, — послѣдній герой не скоро умретъ на
Руси.

Но, отвѣта страшась, судьбу спросить не смѣю,
Пушкину равный поэтъ будетъ у насъ когда.

1.

Я тихо отъ тебя иду,
А ты остался на балконѣ...
«Коль славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ»,
Трубятъ въ Таврическомъ саду.
Я вижу блѣдную звѣзду
На тепломъ, свѣтломъ небосклонѣ,
И лучшихъ словъ я не найду,
Когда я отъ тебя иду,
Какъ «славенъ нашъ Господь въ Сіонѣ».

2.

ПОСЛАНИЕ Ю. РАКИТИНУ.

Ужъ прожилъ года двадцать три я,
Когда увидѣлъ, пьянъ и гордъ,
Твой плоскій и зеленый портъ,
Блаженная Александрія.

Съ жасминомъ траурный левкой
Смѣшался въ памяти бродячей,
Но воздухъ нѣжный и горячій
Все нарушаетъ мой покой.

Когда нога твоя коснется
Златого, древняго песка,
Пускай къ тебѣ издалека
Мой зовъ, какъ вѣтеръ, донесется.

И пусть мохнатая звѣзда
Въ зеленыхъ небесахъ Каноба,
Когда задумаетесь оба,
Засвѣтитъ вамъ, какъ мнѣ тогда.

Но пусть вашъ путь не такъ печально
Окончится, какъ мой, давно,
Хотя намъ все присуждено
Съ рожденія первоначально.

Я вѣрю, деньги всѣ проживъ,
Вернешься счастливо въ Одессу,
И снова милаго повѣсу
Увижу я, коль буду живъ.

1.

Хорошо, хорошо, отойду я теперь,
Крѣпкій узелъ смѣясь разрублю;
Но, Владыка мой темный, на вѣки повѣрь,
Что я та же и такъ же люблю.

Только разъ надо мной огневѣль небосводъ,
Осіянный узоромъ свѣтилъ.
Уронилъ ты кольцо надъ зеркальностью водъ,
Быстрый парусъ смѣясь распустилъ.

О другой тишинѣ буду Бога молить,
Вышивать безконечный узоръ,
Поведетъ меня медленно алая нить
Средь пустынь и синѣющихъ горъ.

Вышью я надъ водою оливковый лѣсъ,
Темныхъ снастей кресты, рыбарей,
Безконечную синь распростертыхъ небесъ,
Красныхъ рыбъ средь прозрачныхъ морей.

И средь синяго полога голубь взлетитъ
Съ ореоломъ прозрачныхъ лучей;
И средь звѣздныхъ полей будетъ дьяволъ раз-
бить:
Вышью золотомъ взмахи мечей.

Такъ усну я средь пестрыхъ, блестящихъ шел-
ковъ,
Средь приснившихся, вышитыхъ нивъ;
Выйду въ море на Божій таинственный ловъ,
Мой единый, ты будешь счастливъ.

2.

Какъ исчислю, Владыка, твою благодать!
Какъ пойму несказанность молитвы?
Ты пришелъ, чтобъ зерно въ закрома отобрать
Отъ полыни и плевель со жнитвы.

Ты надъ нами свой огненный ликъ распросъ,
Слышу я вопрошающій голосъ.
Боже сильный,—я знаю,—пылаетъ костеръ,
И отобранъ желтвующій колосъ.

Но вотъ колось,—незрѣль онъ, ненуженъ и
пусть,

Но вотъ колось,—увяль и безплодень,—
Боже, все-жь не сомкну славословящихъ усть,—
Онъ колось, онъ колось Господень.

3.

Вѣстниковъ путь невѣдомъ:
Гдѣ проплывутъ золотыя моря,
Гдѣ за звѣринымъ слѣдомъ
Будеть вести огневая заря.

Но заревые знаки
Четко клеймятъ на землѣ всѣ пути.
Птицы полеть и злаки
Знавшимъ нельзя отъ судьбы уйти.

Видѣвшій зори,—плѣнный,
Вѣстниковъ знающій,—на смерть идетъ,
Вѣчный и неизмѣнный.
Кружатъ надъ мертвой землею полеть:

Ближе,—и снова къ небу;
Четки средь утреннихъ, облачныхъ грядъ,
Мертвымъ свершаютъ требу,
Чтутъ неизвѣстный живущимъ обрядъ.

1.

ПЕТЕРБУРГЪ.

Здѣсь утра трудны и туманны,
И все во льду, и все молчить.
Но свѣтъ торжественный и бранный
Въ тревожномъ воздухѣ сквозить.

Но сердце знаетъ: въ дали знойной,
Въ далекомъ, новомъ бытіи
Мы будемъ помнить, городъ стройный,
Видѣнья вѣщія твои

И намъ свѣтившій, въ жизни бѣдной,
Какъ память ветхая слѣпцовъ,
Въ небесномъ дымѣ факель блѣдный
Надъ силуэтами дворцовъ.

НОЧЬ.

Всю ночь, раскинуть надо мной,
 Костеръ пылаеть звѣздный,
 И—мраку мракъ—мой духъ земной
 Алмазной вторить бездной.

И онъ, и я—одинъ творецъ,
 Столповъ горящихъ зодчій,
 И съ сыномъ рѣчь ведетъ отецъ,
 И сынъ во славѣ отчей.

Но меркнетъ пиръ ночныхъ судьбъ,
 Коснѣеть голосъ звавшій,
 И я опять убогъ и слѣпъ,
 Презрѣнный и отпавшій.

Онъ въ юности меня томилъ
 То вѣтра медленнымъ порывомъ,
 То вдаль встававшимъ дивомъ
 Окаменѣлыхъ, бѣлыхъ крылъ.

Онъ былъ прекраснѣй красоты
И смерти горестной блаженнѣй,
Когда губилъ мой взоръ весенній
Лучами бѣлой слѣпоты.

Какъ память неба, мнѣ родного,
Въ моей царилъ онъ тишинѣ,
Какъ губы мучившее мнѣ
Невспоминаемое слово,

Что зналъ я тамъ, гдѣ вѣчень строгій
И мертвый блескъ и гдѣ легли
Среди безжалостной земли
Окаменѣлыя дороги.

К Р И Т И К А.

Сергѣй Городецкій. Ива. Изд. Шиповникъ. С П Б. 1913. Ц. 2 р.

Сергѣя Городецкаго невозможно воспринимать только какъ поэта. Читая его стихи, невольно думаешь больше, чѣмъ о нихъ, о сильной и страстной и, вмѣстѣ съ тѣмъ, по-славянскому нѣжной, чистой и пѣвучей душѣ человека, о томъ расцвѣтѣ всѣхъ духовныхъ и физическихъ силъ, который за послѣднее время начинаютъ обозначать словомъ «акмеизмъ». Гордость безъ высокомерія и нѣжность безъ слезливости, изъ этихъ элементовъ сплетается творчество Городецкаго. По формѣ его стихи во многомъ напоминаютъ намъ уже пройденный поэтомъ этапъ символизма. Если стиль писателя есть взаимодействіе между его внутреннимъ закономъ и законами языка и стихосложенія, то Сергѣй Городецкій вмѣстѣ съ символистами отдаетъ явное предпочтеніе первому, подобно тому какъ парнасцы—второму, тогда какъ акмеизмъ требуетъ синтетическихъ достижений. Но, безспорно, Сергѣй Городецкій уже на пути къ освобожденію отъ послѣдняго, что связываетъ его съ символизмомъ.

М. Зенкевичъ. „Дикая порфира“. Изд. Цеха Поэтовъ. Спб. 1912. Ц. 90 к.

«Дикая Порфира» — прекрасное начало для поэта. Въ ней есть все: твердость и разнообразіе ритмовъ, вѣрность и смѣлость стиля, чувство композиціи, новыя и глубокия темы. И все же это только начало, потому что всѣ эти качества еще не доведены до того предѣла, когда просто поэтъ дѣлается большимъ поэтомъ. Въ частности для Зенкевича характерно многообѣщающее адамистическое стремленіе называть каждую вещь по имени, словно лаская ее. И сильный темпераментъ влечетъ его къ большимъ темамъ, ко всему стихійному въ природѣ или въ исторіи. Что это влеченіе не книжное, доказываетъ лучше всего честность поэта по отношенію къ его темѣ, честность, не позволяющая ему становиться на ходули или злоупотреблять интуиціей. Именно потому, что у него есть своя вѣра, онъ говоритъ только то, во что вѣрить, и ни слова больше. Однако временами его пуризмъ заходитъ слишкомъ далеко, и, вытравляя въ своихъ стихахъ красоту, онъ иногда пренебрегаетъ и красотой.

Владимиръ Нарбутъ. Аллилуіа. Стихи. Съ портретомъ автора работы М. Чемберсъ-Билибиной. Изд. Цеха Поэтовъ. Спб. 1912. Ц. 75 к.

Владимиръ Нарбутъ. Любовь и любовь. 3-я книга стиховъ. Спб. 1913. Ц. 10 к. (in 64°).

«Хохладкій» духъ, давшій русскому эпосу многое, до сихъ поръ не имѣлъ представителя въ русской лирикѣ. Это мѣсто по праву принадлежитъ Владимиру Нарбуту.

Съ откровенностью, доходящей въ неудачныхъ мѣстахъ до цинизма, поэтъ изображаетъ мѣръ вещей и мѣръ людей, какъ мѣръ чудовищъ одной породы, призванныхъ славить бытіе, въ какихъ бы формахъ оно ни выражалось. Этотъ акмеистическій реализмъ и это буйное жизнеутвержденіе придаютъ всей поэзи Нарбута своеобразную силу. Въ корявыхъ, но мощныхъ образахъ заключается истинное противоядіе противъ того вида эстетизма, который служитъ лишь прикрытіемъ поэтического безсилія. Еще не во всѣхъ стихахъ Нарбута элементы его языка—малорусскій, церковнославянскій и современный русскій (съ явнымъ устремленіемъ къ новымъ словообразованіямъ),—также какъ и отдѣльныя части картинъ, находятся въ строгомъ и полномъ равновѣсіи, но уже во многомъ явлено новое и смѣлое прекрасное, и уже предчувствуется кое-гдѣ мастеръ, умѣющій обуздать безудержность творящей силы.

Анна Ахматова. Вечеръ. Стихи. Съ предисловіемъ М. Кузмина. Съ фронтисписомъ Евгенія Лансере. Изд. Цеха Поэтовъ. Спб. 912. Ц. 90 к.

Въ погонѣ за великимъ и пророческимъ русская лирика послѣднихъ лѣтъ забывала самое простодушную Психею, со всѣми горестями и радостями, которыя чинить ей современность. Это преломленіе въ теперешней жизни вѣчной женской души остро и властно

даетъ чувствовать лирика Анны Ахматовой. Наряду съ дѣтской прямою, которая позволяетъ ей воплощать интимнѣйшее, въ ея стихахъ есть истонченность, которая возможна только въ наши дни поэтическихъ свершеній и завершеній. Безрадостная и огорченная, Психея тѣмъ не менѣе свято теплитъ вѣчный огонь въ своей лампадѣ, и хоть, можетъ быть, еще не знаетъ, кому и для чего горитъ онъ, но чувствуетъ непреложно, что горѣть онъ долженъ. Въ этомъ акмеистическомъ пессимизмѣ есть неотвратимое очарованіе для многихъ тонкихъ душъ современности, порвавшихъ съ темнымъ прошлымъ и робко заглядывающихъ въ будущее. Ритмически и эйдологически стихи Анны Ахматовой равноцѣнны ея ощущеніямъ и мыслямъ.

Е. Кузьмина-Караваева. Скиѣскіе Черепки. Стихи. Съ предисловіемъ автора. Изд. Цеха Поэтовъ. Спб. 942. Ц. 60 к.

Доисторическая женственность имѣетъ въ себѣ многое, что должно пройти сквозь строй культуръ и остаться навсегда живымъ. Но еще не самодовлѣющее художественное воплощеніе этой силы даютъ «Скиѣскіе Черепки», а только зерна. Тоска «курганной царевны» часто слишкомъ туманна и безплотна. Полное отсутствіе умѣнія искупается подлиннымъ темпераментомъ и мгновенными, слѣпыми, но вѣщими озареніями.

ПИСЬМА ВЪ РЕДАКЦІЮ.

М. Г.

Господинъ Редакторъ!

Будьте добры, при посредствѣ Вашего уважаемаго журнала, огласить слѣдующее мое заявленіе:

Я вышелъ изъ кружка „Его“ и больше не со-трудничаю въ изданіяхъ газеты „Петербургскій Глашатай“.

Съ уваженіемъ

Игорь Сѣверянинъ.

М Г.

Господинъ Редакторъ!

Не откажите помѣстить на страницахъ „Гиперборея“ слѣдующее: Кружокъ „Его“ продолжаетъ разсылать листки манифеста „Его-футуристовъ“, гдѣ въ списокѣ членовъ „ректоріата“ стоятъ наши имена. На-

стоящимъ доводимъ до общаго свѣдѣнія, что мы изъ названнаго кружка вышли и никакого отношенія къ нему, а равно къ газетѣ „Петербургскій Глашатай“, не имѣемъ.

Примите и пр.

Георгій Ивановъ,

Грааль Арельскій.
